

К ИЗУЧЕНИЮ ПРОЗЫ ПУШКИНА (II)¹

ЕКАТЕРИНА ЛЯМИНА, НИНА НАЗАРОВА,
АЛЕКСАНДР ОСПОВАТ

Базовая характеристика нарративной структуры «Повестей Белкина» (ПБ) принадлежит В. В. Виноградову:

Множественность «субъектов» повествования создает многопланность сюжета, многообразие смыслов. Эти субъекты, образующие особую сферу сюжета, сферу литературно-бытовых «сочинителей» — издателя, автора и рассказчиков, — не обособлены резко друг от друга <...>. В ходе повествования они то сливаются, то контрастно противостоят друг другу. Благодаря этой подвижности и смене субъектных ликов, благодаря их стилистическим трансформациям, происходит постоянное переосмысление действительности, преломление ее в разных сознаниях [Виноградов 1941: 539].

При всем разнообразии суждений, высказывавшихся с тех пор в научной литературе, сам набор атрибутируемых ПБ повествовательных субъектов долгое время сохранялся неизменным: «издатель» (реальный автор), «автор» (Иван Петрович Белкин) и поименованные в предисловии «рассказчики» («титularный советник А. Г. Н.», «подполковник И. Л. П.», «прикащик Б. В.» и «девица К. И. Т.»), от которых Белкин слышал все записанные им истории. Другой подход популяризирован теперь в книге Вольфа Шмида, где констатируется наличие в ПБ еще двух инстанций — «вторичных повествователей» (персонажей, обладающих, подобно Сильвио и Самсону Вырину, собственными речевыми партиями) и «третьих лиц», чьи реплики или мнения озвучены «вторичными повествователями» [Schmid: 51; Шмид: 42–43]. Такая исследовательская перспектива впер-

¹ Первую статью см.: [ТС: 87–99].

вые, кажется, была намечена С. Г. Бочаровым, описавшим погружение ключевой фразы «Станционного смотрителя»:

Ямщик, который вез его <Минского>, сказывал, что во всю дорогу Дуня плакала, хотя, казалось, ехала по своей охоте², —

в атмосферу «устного слова», транслируемого по цепочке (ямщик — смотритель — «А. Г. Н.» — Белкин) [Бочаров 1974: 167]. С предельной категоричностью позиция автора выражена в его новой работе: ПБ «окружили и напители себя» целым «хором свидетелей и рассказчиков», в той или иной степени «оставляющих в пушкинском тексте (а то и, кажется, вовсе не оставляющих) свои следы» [Бочаров 1999: 464].

У нас действительно есть все основания распространить приведенный выше тезис Виноградова о «подвижности и смене субъектных ликов» в ПБ на некое множество носителей информации и/или точек зрения. Другое дело, что эксплицитных указаний в роде «ямщик <...> сказывал...» или «[с]казывают, что Сильвио...» — наперечет. В подавляющем большинстве случаев сигналом появления дополнительного голоса служит внешне не мотивированный разрыв повествовательной линии. В качестве иллюстрации укажем на шов, отмечающий границу между двумя нарративными блоками «Барышни-крестьянки» (БК). Абзацу, завершающемуся словами:

Лиза тихонько нарядилась крестьянкою, шопотом дала Насте свои наставления касательно Мисс Жаксон, вышла на заднее крыльцо и через огород побежала в поле, —

соположена интермедия, ориентированная в совершенно ином стилевом ключе:

Заря сияла на востоке и золотые ряды облаков, казалось, ожидали солнца, как царедворцы ожидают Государя...

² Здесь и далее основной текст ПБ цитируется по изданию [Пушкин 1831]. Черновые варианты ПБ и иные пушкинские сочинения приводятся по [Пушкин 1937–1949] тоже без специальных оговорок.

Механизм нарративных переключений и сбоев в ПБ ниже будет рассмотрен на материале *Vorgeschichte* БК — ее начального абзаца, в котором обрисован событийный ряд, сформировавший исходную сюжетную ситуацию. Составленный из двадцати четырех фраз, интересующий нас сегмент распадается на три тематические серии, почти равного объема. Первая посвящена старшему Берестову:

I (1) В одной из отдаленных наших губерний находилось имение Ивана Петровича Берестова.

(2) В молодости своей служил он в гвардии, вышел в отставку в начале 1797 года, уехал в свою деревню, и с тех пор оттуда не выезжал. **(3)** Он был женат на бедной дворянке, которая умерла в родах, в то время, как он находился в отъезде в поле. **(4)** Хозяйственные упражнения скоро его утешили. **(5)** Он выстроил дом по собственному плану, завел у себя суконную фабрику, утроил доходы³ и стал почитать себя умнейшим человеком во всем окологде, в чем и не прекословили ему соседы, приезжавшие к нему гостить с своими семействами и собаками. **(6)** В будни ходил он в плисовой куртке, по праздникам надевал он сертук из сукна домашней работы; сам записывал расход, и ничего не читал, кроме Сенатских Ведомостей. **(7)** Вообще его любили, хотя и почитали гордым.

В этом пассаже присутствует несколько речевых зон. Фразу **I–1** маркирует взгляд извне: сосед Берестова, будь то ближний или дальний, не применил бы оборот «В одной из *наших* губерний», и показательно, кроме того, что в фокусе оказывается не имя персонажа, а его имение. Отрывисто-формальный характер фразы **I–1** особенно заметен на фоне зачина повести «Метель» (как и БК, «слышанной» от «девицы К. И. Т.»):

В конце 1811 года, в эпоху нам достопамятную, жил в своем поместье Ненарадове добрый Гаврила Гаврилович Р**.

Здесь повествователь не только занимает инклюзивную позицию (эпитет «добрый» подразумевает знакомство с персона-

³ Опечатка *устроил доходы*, допущенная в [Пушкин 1834: 120], впоследствии была закреплена авторитетом большого академического издания [Пушкин 1937–1949: VIII, 109].

жем или с репутацией, закрепившейся за ним в уезде или губернии), но также — путем апелляции к объединяющим всех россиян воспоминаниям — дает установку на интимное сопереживание предлагаемого рассказа.

Во фразе **I-2** взгляд с географической карты переводится на самого Берестова. Вместе с тем дистанция между субъектом и объектом наррации не сокращается: представляя конспект биографии Берестова, рассказчик принимает тон бесстрастного хрониста, не заботящегося о пояснении сообщенных им фактов. Понимать ли отставку в начале царствования Павла I как поступок фрондера, оскорбленного наведением гатчинского порядка в элитных полках? или как реакцию на требование вернуться в строй из отпусков, в которых привыкли обретаться екатерининские гвардейцы? или как выключку из службы проштрафившегося — или чем-то не угодившего новому императору — офицера?

Фраза **I-3** знаменует отказ от нейтрального повествования. За счет того синтаксического приема, который Виноградов определил как «присоединение на основе семантического несоответствия сцепляемых частей» [Виноградов 1980: 234], информация об обстоятельствах смерти жены окружает Берестова иронически-недоброжелательной аурой. Это отношение рассказчика к своему персонажу закрепляет фраза **I-4**⁴, но тут повествование снова сходит с заданной колеи, чтобы расслиться на речевые партии. Если в первой части фразы **I-5** («Он выстроил дом ~ утроил доходы...») нарратор в привычной перечислительной манере характеризует успехи помещного капиталиста, то во второй части самооценка Берестова воспроизводится в утрированном пересказе местных острословов («... и стал почитать ~ во всем околотке...»), а в третьей уже сами эти «соседы» становятся объектом насмешки рассказчика («... в чем и не прекословили ~ и собаками»).

⁴ Решительное усиление оценочности произошло на стадии окончательной отделки текста. Ср.: «Время и хозяйственные упражнения утешили его» → «Хозяйственные упражнения скоро его утешили».

«Околодок», один из условных сюжетных локусов, начинает функционировать в качестве *talk*-пространства (пространства толков), которое способно навязать повествованию свой способ организации. Так, логическим продолжением фразы **I–5** являлась бы фраза **I–7**⁵, но между ними вклинивается фраза **I–6**, отвлекающая внимание на дополнительные штрихи к портрету Берестова. Возникает ощущение живой беседы, когда голоса перебивают друг друга, пренебрегая последовательным развитием намеченной темы. Это разноречие отзывается в парадоксе, сформулированном во фразе **I–7**: «вообще его любили»⁶, несмотря на то, что Берестов обладал репутацией человека «гордого» — т.е. *надменного, высокомерного, спесивого*⁷.

Вторая тематическая серия, посвященная старшему Муромскому, содержит почти тождественный комплект сведений. В субъектном плане она также обнаруживает структурное сходство с предшествующей.

II (1) Не ладил с ним один Григорий Иванович Муромский, ближайший его сосед. **(2)** Этот был настоящий Русской барин. **(3)** Промотав в Москве большую часть имения своего, и на ту пору овдовев, уехал он в последнюю свою деревню, где продолжал проказничать, но уже в новом роде. **(4)** Развел он Английский сад, на который тратил почти все остальные доходы. **(5)** Конюхи его были одеты Английскими жокеями. **(6)** У дочери его была Мадам Англичанка. **(7)** Поля свои обрабатывал он по Английской методе;

Но на чужой манер хлеб Русской не родится,

⁵ Ср.: «... и стал почитать себя умнейшим человеком во всем околодке, в чем и не прекословили ему соседы, приезжавшие к нему гостить с своими семействами и собаками. <...> Вообще его любили, хотя и почитали гордым».

⁶ Смысл этого оборота колеблется в зависимости от того, как понимать слово «вообще», — оно может актуализировать и обобщающее значение (*все его любили*), и оттенок оговорки (*его любили, но не все*). См.: [Ермакова: 150].

⁷ См.: [СЯП: I, 513]; ср. [Круглов: 14–15].

и не смотря на значительное уменьшение расходов доходы Григорья Ивановича не прибавлялись; он и в деревне находил способ входить в новые долги; со всем тем почитался человеком не глупым, ибо первый из помещиков своей губернии догадался заложить имение свое в Опекунской Совет: оборот, казавшийся в то время чрезвычайно сложным и смелым.

Фамилия персонажа, представленного во фразе **II-1**, имеет отчетливую социальную проекцию. Речь идет о т.н. захудалых Рюриковичах, тех потомках удельных князей, которые не сохранили (в отличие, например, от Вяземских и Одоевских) древний титул⁸. Типажная выразительность Муромского усилена фразой **II-2**: использованное здесь фразеологическое сочетание подразумевает, что вместе с аристократическими амбициями он унаследовал и значительное состояние, позволявшее вести шумно-расточительный образ жизни — на манер знаменитых вельмож екатерининского и александровского веков⁹. Задается, таким образом, значимый нюанс — в ближайшем соседстве оказываются дворянин из хорошего, но не знатного дома и обломок древнего рода, «настоящий русский помещик» (см. черновой вариант фразы **I-1**) и «настоящий русский барин».

⁸ В реальности род рязанских и муромских князей угас еще в XIV в., и читатель ПБ воспринимал фамилию Григорья Ивановича прежде всего по ассоциации, ведущей к легендарным «муромским лесам» — дремучей чащобе, населенной разбойниками, волками и ведьмами. В 1829 г. это предание обновил Загоскин в «Юрии Милославском» (ч. III, гл. 3).

⁹ См. описание вечера, проведенного у А. Л. Нарышкина, в письме В. Л. Пушкина Вяземскому от 20 февраля 1818 г.: «... в доме его — чего хочешь, того просишь. — Песельники, духовая музыка <...> Стерлядей ешь как пискарей. Апельсины вместо кедровых орехов, одним словом, разливанное море, и хозяин — настоящий боярин русский» [Пушкин В.: 221]. Ср. позднейший отзыв об императорской театральной дирекции, в 1818 г. «находившейся под управлением вельможи и русского барина <...> Александра Львовича Нарышкина» [Свербеев: 271].

Эта первичная информация, изложенная рассказчиком в относительно ровном тоне, предваряет общую характеристику Муромского, обработанную соседскими пересудами. Свидетельством того, что нарративное переключение осуществлено здесь в результате специального авторского усилия, служат сохранившиеся варианты фразы **II-3**. На последнем этапе редактуры она была отделена от фразы **II-2** (по композиционным соображениям), а в содержательном плане перемена коснулась лишь одного слова.

«Этот был настоящий русский барин; промотав в Москве большую часть имения своего и на ту пору потеряв жену, уехал он в последнюю свою деревню, где продолжал *роскошничать*, хотя уже в новом роде». → «Промотав в Москве большую часть имения своего, и на ту пору овдовев, уехал он в последнюю свою деревню, где продолжал *проказничать*, но уже в новом роде».

Как и в случае, разобранным выше (см. примеч. 4), правка делает большую разницу. Вместо слова, обладающего единственным прямым значением и, следовательно, весьма ограниченной сочетаемостью, появилось слово другого класса. Его значение может быть определено или угадано только из контекста, и отсюда — повышенная его валентность, обусловившая стилистическую шероховатость (если не диссонанс) фразы **II-3**. Непосредственно связывающее мотовство персонажа в Москве и новые, деревенские его затеи, слово «проказничать» — за счет присоединения фазового глагола «продолжал» — нечувствительно вовлекает в свое семантическое поле и «овдовение» Муромского, лаконично помянутое в середине фразы. Тем самым описание переводится в остраненно-иронический модус, уравнивающий масштаб всех упомянутых событий, как это происходит в застойной болтовне, не налагающей запрет на модуляции сомнительного свойства.

Фразы **II-4**, **II-5** и **II-6** вытянуты в череду реплик, подлаживающихся друг под друга («Конюхи его...»; «У дочери его...») в осуждении английских вкусов Муромского. Что же касается приведенных здесь фактов, то шалостью в собственном смысле является разве обряжение конюхов в «английских

жокеев». Но устройство английского сада, требовавшее, помимо наличных средств, вложения немалого труда, и приглашение «мадам Англичанки», которое не могло оказаться вовсе бесполезным для девочки, оставшейся без матери, — причислить это к «проказам» возможно только с явной натяжкой, выдающей завистливое отношение к Муромскому окружавших его лиц. Нарастающее напряжение разрешается во фразе **II-7** любопытным образом. Не снискав успеха в обработке полей по «Английской методе» (хотя не исключено, что результат данного хозяйственного эксперимента преувеличен злоречием наблюдателей¹⁰), Муромский пустился в закладные операции, и разнесшееся известие о полученной им ссуде заставило «соседей» отдать должное его оборотистому уму. Вторая, практически самостоятельная часть этой растянувшейся фразы корреспондирует с фразой **I-5**: проказник теперь «почитался человеком не глупым», что до некоторой степени ослабляло позиции того, кто «почитал себя умнейшим человеком во всем околке».

В третьей тематической серии антагонизм персонажей выведен на поверхность.

III (1) Из людей, осуждавших его, Берестов отзывался строже всех. **(2)** Ненависть к нововведениям была отличительная черта его характера. **(3)** Он не мог равнодушно говорить об Англомании своего соседа, и поминутно находил случай его критиковать. **(4)** Показывал ли гостю свои владения, в ответ на похвалы его хозяйственным распоряжениям: **(5)** «Да-с!» <—> говорил он с лукавой усмешкою; «у меня не то, что у соседа Григорья Ивановича».

¹⁰ Строго говоря, если расходы Муромского значительно уменьшились, а доходы не прибавились, общий баланс не выглядит столь удручающим, как может показаться в свете броского афоризма Шаховского («Но на чужой манер...»). В следующей части фразы, отделенной от предшествующей точкой с запятой, речь идет о «новых долгах», вызванных, скорее всего, неискоренимыми барскими привычками (см. в мемуарах В. И. Лыкошина о дяде известного драматурга: «Алексей Федорович был беспечный весельчак, разорявшийся в Москве на великолепные балы, и в деревне жил на широкую ногу, без расчета...» — цит. по: [Пиксанов: 60]).

ча. (6) Куда нам по Английски разоряться! (7) Были бы мы по Русски хоть сыты». (8) Сии и подобные шутки, по усердию соседов, доводимы были до сведения Григорья Ивановича с дополнением и объяснениями.

(9) Англоман выносил критику столь же нетерпеливо, как и наши журналисты. (10) Он бесился и прозвал своего Зоила медведем и провинциялом.

Во фразе **III-1** ощутим эффект многократной и энергичной трансляции. Здесь налицо кольцевое строение, иконически акцентирующее замкнутость *talk*-пространства на двух стержневых фигурах: сначала резюмируется коллективное мнение («Из людей, осуждавших его...»), затем на первый план возвращается Берестов (с которым во всем «околодке» «не ладил» один Муромский), а финальное сравнение («...строже всех») отбрасывает «отзыв» «ближайшего соседа» назад, на общий голосовой фон. Во фразе **III-2**, приглушая намек, проскользнувший было во фразе **II-7**, рассказчик объясняет бурную реакцию Берестова его «ненавистью к нововведениям»; следом же, во фразе **III-3**, имплицитруется синонимическая связь между «нововведениями» и «англоманией».

Эта парная конструкция не находит достаточной поддержки в контексте рассматриваемого фрагмента. Англомания проникла в Россию во второй половине 1760-х гг.¹¹, и то, что в 1772 г. воспринималось как новинка:

<...> ныне женщины и мужчины взапуски стараются перенимать что-нибудь от англичан, все английское кажется нам теперь хо-рошо, прелестно, и все нас восхищает [СЖН: 328–329], —

в 1808 г. рисовалось в противоположном свете:

Англомания сделалась почти привычкой у всех русских вельмож и купцов... (цит. по: [Тарле: 162]).

¹¹ Наиболее репрезентативные обзоры документального материала по истории русской англомании см.: [Предтеченский; Cross: 93–112]. Слово «англомания» фиксируется в источниках начиная со второй половины 1770-х гг. (см.: [СРЯ XVIII: 69; Hüttl Worth: 58]).

В первое десятилетие XIX в. (приблизительно таковы хронологические рамки *Vorgeschichte* БК¹²) даже в «отдаленных губерниях» разводились английские («пейзажные», иррегулярные) сады и парки¹³; к этому времени институт английских нянек, воспитателей и гувернанток получил распространение в помещичьих семьях¹⁴, а персонажи сатирической литературы обзавелись жокеями¹⁵.

Можно предположить, что, окружая синонимическую пару «нововведения¹⁶ — англомания» интонационными кавычками, рассказчик обращает иронию на Берестова, поведение которого приобретает черты маниакальности: «...и поминутно находил случай его критиковать». Данный мотив подхвачен во фразе **III-4**: ее начальный компонент («Показывал ли гостю свои владения...»), оформленный с акцентом на модальную частицу, позволяет спроецировать описанную ситуацию на множество иных (*Выезжал ли на охоту; сидел ли за столом*), в которых Берестов так же не мог удержаться от критики в адрес Муромского. Далее приводится высказывание Берестова (первое и единственное включение прямой речи в *Vorgeschichte* БК), высмеивающее приверженность соседа «Англий-

¹² Берестову, вышедшему в отставку в начале 1797 г., понадобилось, вероятно, около десяти лет для того, чтобы привести свое имение и фабрику к впечатляющему процветанию.

¹³ Они стали неотъемлемой частью русской усадебной культуры еще в конце XVIII в. (см.: [Лихачев: 180, 210–215]).

¹⁴ См.: [Cross: 222–228].

¹⁵ Сводку данных см.: [Биржакова, Войнова, Кутина: 151–152]. См. также примеч. 18.

¹⁶ Заметим попутно, что в начале XIX в. заклад имений в Ссудную кассу при Опекунском совете тоже не выглядел новацией. Эта возможность открылась в 1773 г., причем в период с 1812 до 1823 г. процент заложенных крестьянских душ по всей России возрос с 12 до 20, и к моменту создания ПБ в закладе (во всех кредитных учреждениях) находилось чуть менее половины помещичьих имений (см.: [Боровой: 196–197]). В 1831 г. были заложены две трети болдинского имения Пушкиных и двести душ, его населявших.

ской методе» землепользования (вспашка плугом, а не сохой, и замена трехполья восьми- или четырехпольным плодopеменным хозяйством). Это высказывание отсылает не только к уже цитированной сатире Шаховского 1807 г.¹⁷, но и к ряду других сочинений, где опыт и здравомыслие русского хозяина противопоставлялись безрассудному увлечению чужеземной агрономией, — в частности, к басне Крылова «Огородник и философ» (1811). В ней выведены прения между «мужиком», «ретивым работником», и его ближайшим соседом («двор обо двор с ним жил»), «барином» и «великим краснобаем». Первый обходится собственными ресурсами («Прилежность, навык, руки: / Вот все мои тут и науки; / Мне бог и с ними хлеб дает»), второй уповает на книжную мудрость, дивясь тому, что неуч «еще не разорился».

Какой же вылился конец?
У Огородника взошло всё и поспело:
Он с прибылью, и в шляпе дело;
А Философ —
Без огурцов [Крылов: 67–68].

Сходные амплуа обыграны и в риторической конструкции, использованной в прямой речи Берестова. Напуская на себя вид скромного хозяина, он выставляет Муромского баловнем судьбы, который пренебрегает непосредственными обязанностями в угоду модным затеям. Оппозиция, сформулированная во фразах **III–6** и **III–7**, играет двумя смысловыми оттенками: уверенность Берестова в своем превосходстве над соседом в практической сфере оттеняется ревнивым отношением помещика к «настоящему русскому барину», располагающему средствами «по Английски разоряться»¹⁸.

¹⁷ Которая в этой своей части следовала уже сложившейся традиции. Ср. в «Послании» Н. П. Николева князю Н. М. Голицыну (1797): «И ты, земли не погубя / Затееми хозяев модных, / Держась подчас примет народных...» [Поэты XVIII в.: 91].

¹⁸ Фраза **III–6** почти буквально повторяет оборот из сатирической зарисовки, увидевшей свет в авторском журнале Н. Н. Стрехова: «Последнего покрою разумник или, яснее сказать, щеголь <...>

Фраза **III-8** уточняет сюжетную функцию *talk*-пространства. Доводя до сведения Муромского «сии и подобные шутки»¹⁹ — «с дополнением и объяснениями», — «соседы» провоцируют эскалацию конфликта²⁰. Ответная реакция того, кто с легкой руки Берестова прозывался «англоманом», вполне предсказуема, и тем неожиданнее выглядит вторжение в текст еще одной повествовательной инстанции. Аналогия между Муромским и «нашими журналистами», проведенная во фразе **III-9**, восстанавливает дистанцию между субъектом и объектом наррации, намеченную во фразе **I-1**, причем на сей раз как в географическом, так и в интеллектуальном планах. Осведомленность в перипетиях журнальных сшибок, которой ранее не выказывали ни рассказчик, ни протагонисты, ни их «соседы», сближает говорящего со всезнающим автором, обыгрываящим оба значения слова «критика». Этот новый нарратор вводит во фразу **III-10** слово «Зоил»: заимствованное из лексикона литературных полемик (см. хотя бы незавершенную пушкинскую эпиграмму 1829 г.: «Надеясь на мое презренье, / Седой Зоил меня бранил...»), оно нарочито диссонирует с собственными отзывами Муромского о Берестове — «медведь и провинциал». И в свете сказанного не вызывает сомнения, что «по усердию соседов» запальчивые восклицания Григория Ивановича становятся известными Ивану Петровичу.

Комизм и даже абсурдность ситуации, при которой контакт персонажей полностью замещен циркулирующими в «околод-

который проматывается на верховых лошадей, колясочки и на жокеев и который вообще дурачится и разоряется в аглинском вкусе...» [СВ: 79].

¹⁹ Данный оборот — очередной рефлекс сквозного в третьей серии мотива повторения/трансляции. Ср. выше: «поминутно» (**III-3**) и «Показывал ли...» (**III-4**).

²⁰ Эта сценарная заготовка будет использована в «Дубровском»: «Кирила Петрович без него скучал, и досада его громко изливалась в самых оскорбительных выражениях, которые, благодаря усердию тамошних дворян, доходили до Дубровского исправленные и дополненные».

ке» репликами и слухами, передает начальная фраза второго абзаца, открывающая экспозицию БК:

Таковы были сношения между сими двумя владельцами, как сын Берестова приехал к нему в деревню.

Как мы стремились показать, субъектный план *Vorgeschichte* БК характеризуется постоянной миграцией повествовательной прерогативы. Существенно при этом, что результатом умножения перебивающих друг друга речевых партий является не «многоголосие», полифония, но разноголосие, информационный шум, дезориентирующий читателя. Изъятие фигуры надежного нарратора, смысловая размытость ключевых слов и нарушение стилистической дисциплины отвечали, на наш взгляд, той установке на отказ от «литературности», которая с разной степенью отчетливости реализована во всех текстах, вошедших в состав ПБ, а манифестирована именно в БК.

ЛИТЕРАТУРА

- Биржакова, Войнова, Кутина: *Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л.* Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII–XIX веков: Языковые контакты и заимствования. Л., 1972.
- Боровой: *Боровой С. Я.* Кредит и банки России (середина XVII в. – 1861). М., 1958.
- Бочаров 1974: *Бочаров С. Г.* Поэтика Пушкина: Очерки. М., 1974.
- Бочаров 1999: *Бочаров С. Г.* Бездна пространства // Пушкин А. С. Повести Белкина / Науч. изд. М., 1999.
- Виноградов 1941: *Виноградов В. В.* Стиль Пушкина. М., 1941.
- Виноградов 1980: *Виноградов В. В.* О языке художественной прозы. М., 1980.
- Ермакова: *Ермакова Н. А.* Сюжетный парадокс «Барышни-крестьянки» // Актуальные проблемы изучения творчества А. С. Пушкина: Жанры, сюжеты, мотивы. Новосибирск. 2000.
- Круглов: *Круглов В. М.* Имена чувств в русском языке XVIII века. СПб., 1998.
- Крылов: *Крылов И. А.* Полн. собр. соч.: В 3 т. М., 1946. Т. 3.
- Лихачев: *Лихачев Д. С.* Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей; Сад как текст. СПб., 1991.

- Пиксанов: *Пиксанов Н. К.* Грибоедов: Исследования и характеристики. Л., 1934.
- Поэты XVIII в.: Поэты XVIII века: В 2 т. Л., 1972. Т. 2.
- Предтеченский: *Предтеченский А. В.* Англomania // Анатолий Васильевич Предтеченский: Из творческого наследия. СПб., 1999.
- Пушкин 1831: Повести покойного Ивана Петровича, изданные А. П. СПб., 1831. [Репринтное воспроизведение в: Пушкин 1999.]
- Пушкин 1834: Повести, изданные Александром Пушкиным. СПб., 1834.
- Пушкин 1937–1949: *Пушкин*. Полн. собр. соч. [Л.,] 1937–1949. Т. I–XVI.
- Пушкин 1999: *Пушкин А. С.* Повести Белкина / Науч. изд. М., 1999.
- Пушкин В.: *Пушкин В. Л.* Стихи. Проза. Письма. М., 1989.
- СВ: Сатирический вестник, удобоспособствующий разглаживать наморщенное чело старичков, забавлять и купно научать молодых барынь, девушек, щеголей, вертопрахов, волокит, игроков и прочего состояния людей, писанный небывалого года, неизвестного месяца, несведомого числа, незнаемым сочинителем. М., 1791. Ч. VIII.
- Свербеев: Записки Дмитрия Николаевича Свербеева. М., 1899. Т. I.
- СЖН: Сатирические журналы Н. И. Новикова. М.; Л., 1951.
- СРЯ XVIII: Словарь русского языка XVIII века. Л., 1984. Вып. 1.
- СЯП: Словарь языка Пушкина. М., 1956–1961. Т. I–IV.
- Тарле: *Тарле Е. В.* Соглядатай Наполеона I о русском обществе 1808 г. // Тарле Е. В. Запад и Россия: Статьи и документы из истории XVIII–XX вв. Пг., 1918.
- ТС: *Осват А.* К изучению прозы Пушкина (I) // Тыняновский сборник. М., 2009. Вып. 13.
- Шмид: *Шмид Вольф.* Проза Пушкина в поэтическом прочтении. СПб., 1996.
- Cross: *Cross A.* Anglo-Russica: Aspects of Cultural Relations between Great Britain and Russia in the Eighteenth and Early Nineteenth Centuries. Oxford, 1993.
- Hüttl Worth: *Hüttl Worth G.* Foreign words in Russian: A Historical Sketch, 1550–1800. Berkeley; Los Angeles, 1963.
- Schmid: *Schmid Wolf.* Puškins Proza in poetischer Lektüre: Die Erzählungen Belkins. München, 1991.